

12+

Юрий

Федосов

Семь фрагментов ЖИЗНИ

Мозаика для тех, кто ищет
целое

Юрий Федосов

**Семь фрагментов жизни.
Мозаика для тех, кто ищет целое**

«Издательские решения»

Федосов Ю.

Семь фрагментов жизни. Мозаика для тех, кто ищет целое /
Ю. Федосов — «Издательские решения»,

Семь фрагментов — семь взглядов на один и тот же вопрос: почему мир страдает и где искать выход. Автор — историк, педагог, редактор с многолетним опытом — идёт от частного к общему: от языковой реформы в маленьком эстонском городе до природы человека и его места в мироздании. От политики — к цивилизации. От школы и семьи — к тому, кто стоит в центре всего. Эти фрагменты об одном: о человеке, который забыл кто он. И о мире, который страдает от этого забвения.

© Федосов Ю.

© Издательские решения

Содержание

История одной политики — сто тридцать лет спустя	6
Простая идея. История одной кооперации	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Семь фрагментов жизни Мозаика для тех, кто ищет целое

Юрий Федосов

© Юрий Федосов, 2026

ISBN 978-5-0070-4841-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одной политики — сто тридцать лет спустя

Последний день работы учителем принёс мне неожиданное чувство — смесь облегчения и тихой радости. Не горечь, не обиду, а именно облегчение — потому что я больше не буду причастен к тому, что происходит с детьми в русских школах Эстонии. Радость — от осознания простого закона: в конечном счёте за всё приходится платить. Мне — потерей работы. Авторам же подобных реформ и их исполнителям расплату назначит сама жизнь — а она не делает исключений.

Сорок лет я преподавал историю и всегда пытался делать одно: не пересказывать учебник, а привить привычку думать, самостоятельно анализируя события и факты. Такой анализ редко совпадает с официальной версией — ни тогда, ни сейчас. Этот подход применим и к тому, что происходит сегодня в эстонском образовании, и к моей собственной жизни.

В 1880-х годах Российская империя почувствовала угрозу, которую нельзя было игнорировать. Объединённая вокруг Пруссии Германия заговорила о землях, где семьсот лет правил сначала Тевтонский орден, а потом — его потомки, говорившие по-немецки и смотревшие на Берлин. Прибалтика могла стать предметом территориальных претензий. Ответом стала русификация школ. Официальным языком перестал быть немецкий, им стал русский. Логика была проста: единый язык — единая власть. На первый взгляд, решение выглядело мудрым, но власть, поступающая мудро, действует в интересах народа. Эта — действовала в своих.

Результат оказался непредсказуемым. Русификация не ослабила привязанность местного населения ко всему немецкому, она спровоцировала укрепление национального самосознания. Именно тогда окончательно оформились культурные движения, которые в XX веке привели Эстонию, Латвию и Литву к независимости. Второй, ещё более масштабный виток русификации как внедрения инструмента власти произошёл немного позже — в период советской аннексии.

История любит такие уроки. Но их редко изучают те, кто принимает решения.

Перейдём от прошлого к настоящему. Решение о реформе, а по сути — об избавлении от всего советского, было принято не вчера. Правительство Марта Лаара ещё в 1990-х годах определило курс и назначило сроки: образование в Эстонии должно стать эстонским. Полностью. Для всех.

Тогда многие усомнились — не только русскоязычные учителя, но и те, кто понимал простую вещь: человек облекает свои мысли в слова родного языка. Это не привычка — это природа. Лишить ребёнка этого инструмента самовыражения и познания — не значит воспитать гражданина, это значит создать человека, потерявшегося между двумя мирами.

Механизм тот же, что и сто тридцать лет назад. Да, другой язык, другой знак, но логика та же: школа — инструмент государственной политики. Не просвещения — политики. И снова мудрость уступает место чьим-то интересам. Точнее, интересам власти, которая путает единобразие с единством.

Было бы неточно сказать, что эта реформа только создаст кризис в системе образования. Проблемы накапливались давно — и не только в Эстонии. Повсеместно. Дети теряли мотивацию к познанию задолго до того, как сменился язык преподавания. Но реформа обнажила то, что уже было надломлено.

Когда исчезает смысл и желание его искать, что остаётся? Растерянность. И в этой растерянности легко прорастает другое — вопрос: кто я и где моё место? Потому что те, на кого направлена реформа, переживают её как шок. Не политический — человеческий.

Я видел это в классе, в глазах детей.

История знает один надёжный закон: системы, построенные против эволюционных задач, не реформируются — они рушатся. Не потому, что кто-то этого хочет, а потому, что противоречие между искусственной конструкцией и жизнью накаляется до предела.

Русификация конца XIX и второй половины XX века не укрепила ни Российскую империю, ни СССР — она ускорила их распад. Не потому, что была жестокой. А потому, что была противоестественной.

Сегодняшний кризис образования — не эстонский, не европейский, не российский. Он планетарный. И языковые реформы, националистические настроения, потеря смысла детьми — всё это не причины, а симптомы. Симптомы системы, которая перестала развиваться и начала защищаться.

Итог таких систем всегда один.

Я знаю это не только из книг. Я знаю это из собственной жизни.

Простая идея. История одной кооперации

Май 1951 года. Париж. Вчерашние враги за одним столом. Позади — две войны, десятки миллионов погибших, пепел городов. Впереди — вопрос, от которого не уйти: быть Европе или не быть?

Ответили правильно.

Ответом стало Европейское объединение угля и стали. Задача была проста до неприличия: как снизить себестоимость продукции тяжёлой индустрии? Ответ нашли столь же простой — убрать таможенные пошлины. Общий рынок угля и стали. Никакой идеологии, никакой утопии — только взаимная выгода. Мир в Европе впервые оказался не целью, а побочным продуктом здравого смысла.

Идея была гениальна именно своей простотой. Жаль, что она не пережила своего успеха.

Но у европейской интеграции была и вторая цель — негласная, но не менее важная. План Маршалла спас Европу от голода и хаоса. Однако американские деньги пришли не просто так — они пришли с американским контролем. Над финансами, над рынками, над политическими решениями. Европа была восстановлена — и встроена.

Первое поколение создателей единой Европы это понимало. Аденауэр, де Гаспери, Монне, Шуман — люди, прошедшие через войну и оккупацию, знали цену зависимости. Их проект был не только экономическим — он был попыткой вернуть Европе субъектность. Создать пространство, где европейские интересы не приносятся в жертву чужим.

Многоголосие в политике — обычная вещь. Но главное в этом хоре — смог ли человек выдержать испытание властью: пожертвовать собой ради общего блага или принести это благо в жертву себе. Первое поколение европейских лидеров испытание прошло. Те, кто пришёл после, предпочли второе. Именно здесь, а не в экономических циклах и не в бюрократических сбоях, лежит корень нынешнего кризиса.

Успех имеет свойство развращать институты. Европейское объединение угля и стали работало — и к нему добавляли новое. Римский договор 1957 года расширил сотрудничество. Единый рынок 1986 года углубил интеграцию. Казалось, логика проста: больше — значит лучше.

Но в Маастрихте в 1992 году произошло то, что на языке истории называется подменной целью. Экономический союз, созданный ради достойной жизни конкретного человека — французского шахтёра, немецкого сталевара, итальянского крестьянина — был переплавлен в политический проект. На место взаимной выгоды пришли лозунги. На место прагматики — идеология единой европейской идентичности.

Сначала ЭКЮ (ECU) — технический инструмент взаимных расчётов, введённый в 1979 году. Затем — евро. Эта монетарная политика объединила экономики с разной производительностью, разной культурой труда и разными долговыми традициями под одну процентную ставку. Победители этой конструкции были известны заранее. Простая идея 1951 года к тому времени была уже неузнаваема.

Потерю суверенитета не объявляют. Её не фиксируют в договорах и не отмечают в календарях. Она вползает тихо — в коридоры институтов, в регламенты комитетов, в язык бюросельских директив.

Де Голль ещё мог хлопнуть дверью — и хлопал. Мог вывести Францию из военной структуры НАТО, мог говорить вслух о том, что доллар — это привилегия, которую Европа оплачивает своей зависимостью. Это был последний европейский политик, для которого суверенитет был не словом, а практикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.